

**Rebecca Comay, *Mourning Sickness:
Hegel and The French Revolution***

Stanford: Stanford University Press, 2011, xiv + 202pp.,
ISBN 978-0804761260

**Artemy Magun, *Negative Revolution: Modern
Political Subject and its Fate After the Cold War***

New York: Bloomsbury, 2013, 288pp., ISBN 978-1441168085

Галина Иванова

Европейский Университет в Санкт-Петербурге

**Головная боль скорби: революция от Гегеля
до Канта и обратно**

Французская революция и немецкий идеализм — это пара, дающая нам прекрасный пример сложных и драматичных отношений между политикой и философией. Уровень актуальности этой темы крайне высок, и в случае Канта и Гегеля, чьи труды сейчас подвергаются пересмотру и переоценке, она привлекает много внимания. Мы обратимся к двум недавно вышедшим книгам, которые представляют собой оригинальные и выдающиеся исследования этой проблематики.

Ребекка Комэй в своей книге «Скорбящий недуг: Гегель и Французская революция» (*Mourning Sickness: Hegel and the French Revolution*) предпринимает интересную попытку переосмысления отношений между гегелевской философией и ее историко-политическим контекстом. Анализ Комэй начинается с понятий травмы, скорби и меланхолии. Она развивает эти понятия, заимствованные у Фрейда, применяя их к немецкой культуре в целом и к немецкой философии в частности.

С точки зрения Комэй, общий скорбный и меланхолический тон классической немецкой мысли обусловлен тем, что она отсылает к травматическому событию, которого в Германии на самом деле не происходило. Это скорбь по тому, чего никогда и не было. Револю-

ция — воплощение идей Просвещения в реальности, полностью трансформирующее политическую жизнь общества — произошла рядом, во Франции, и немцы, активные читатели журналов и газет, просто наблюдали ее с безопасного расстояния, подобно тому как люди смотрят, по выражению Гердера, «с высокого берега на кораблекрушение в открытом далеком море» (Гердер 1959: 307).

Комэй называет такую ситуацию, когда революция является не реально переживаемым опытом, но возвышенным спектаклем катастрофы, «кантианским театром», отмечая двойственность или даже двуличность позиции Канта: с одной стороны, он симпатизирует идеалам Просвещения и республиканизма (которые Кант, вводя различие между духом и буквой, предлагает поддерживать как регулятивные идеи в рамках монархического правления) (Comay 2011: 166–167), а с другой — отвергает революцию как таковую, постольку она идет *против закона*: не только против определенного юридического или морального закона, но против закона вообще, против универсального формального закона. Казнь суверена, гаранта закона, обнажает лежащий в его основе чистый произвол (Comay 2011: 36–37).

Немецкая культура знает революцию только в переводе, подчеркивает Комэй, следуя Марксу, который, например, в «Манифесте Коммунистической партии», высмеивает немецких философов и «литераторов» за их неубедительные попытки «примирить новые французские идеи со своей старой философской совестью». Это происходит «таким же образом, каким вообще усваивают чужой язык, путем перевода» (Маркс и Энгельс 2009: 55). Согласно Марксу, при переводе теряется самое важное, а именно классовая борьба; политическая революция кастрируется, будучи превращенной в революцию духа, идей, нравов — в концептуальную, теоретическую революцию.

Обсуждая темпоральность перевода Французской революции на язык немецкой культуры и философии, Комэй часто отмечает ее парадоксальную природу: прошлого здесь еще не было, но будущего уже не будет — ему не удалось появиться, оно никогда не материализовалось, и тем не менее оно оказалось оставленным позади. Эта «странная темпоральность», в которой будущее остается в прошлом, а прошлого не было (революция еще не произошла и уже никогда не произойдет), с точки зрения Комэй, находит адекватное выражение в гегелевской философии, которая ставит перед собой задачу выражения настоящего — в особенности действительно существующего положения вещей — как анахронизма (Comay 2011: 144).

Ставя сильный акцент на «странной темпоральности» гегелевской философии, Комэй придает ее классическому марксистскому прочтению инновативный поворот, несомненно, глубоко инспирированный ее прочтением Вальтера Беньямина. Действительность Гегеля в интерпретации Комэй «выражает именно давление виртуального: оно открывает историю для “уже не” блокированной воз-

возможности и настойчивости не достигнутого “еще не”» (Comay 2011: 144–145). В этом «искривлении времени» она усматривает «нечто напоминающее мессианскую структуру “надежды в прошлом”» (Comay 2011: 145). Настоящее как анахронизм блокирует и в то же время отмечает целую серию упущенных возможностей. Если развить эту мысль, то любой момент в настоящем мог бы быть революцией.

Книгу Комэй интересно читать вместе с работой «Негативная революция: политический субъект современности и его судьба после Холодной войны»¹ (“Negative Revolution: Modern Political Subject and Its Fate After the Cold War”), написанной Артемием Магуном. В книге Магуна анализируется само понятие революция, при этом делается упор на философскую идею негативности, которая понимается как движущая сила не только диалектики, но и политики. Магун также рассматривает отношение Гегеля к Французской революции, хотя его исследование охватывает гораздо более широкое поле. Он исторически изучает оба понятия — революция и негативность — и связывает их, сравнивая Французскую революцию (1789–1799) с Русской антикоммунистической революцией (1985–1999), подразумевая под последней Перестройку и распад Советского Союза.

Разумеется, идея о том, что события 1980–1990-х гг. в России должны рассматриваться как революция, достаточно контринтуитивна, поскольку на фоне такого значительного события, как Октябрьская социалистическая революция 1917 г., она выглядит, скорее, как контрреволюция или реставрация. Однако, как утверждает Магун, структурно это именно революция, поскольку она имеет явно негативный характер. Доказательство структурной гомологичности Перестройки и Французской революции служит благой цели — поставить под вопрос идеологему о невозможности дальнейших революционных трансформаций общества и предложить другую перспективу. С точки зрения Магуна, Перестройка — это открытый, незавершенный проект, провал которого — знак его по-настоящему революционного характера.

Не только Перестройка проваливается: все революции, вместо того чтобы быть радикальными, грандиозными трансформациями, ведущими всех к светлому будущему, в какой-то момент оказываются в тупике и заканчиваются реставрациями. Но на самом деле в революции важен не успех, а негативность, и ее необходимо радикализировать. Так, гегелевское отрицание отрицания в книге Магуна встречается с кангианской ипохондрией. Магун подчеркивает, что, хотя в эпоху Канта ипохондрия была «весьма популярной темой культуры», которая «использовалась синонимично меланхолии: не просто определенная психофизиологическая проблема, но болезнь

¹ Русский вариант этого сочинения: (Магун 2008). — *Примеч. перев.*

общества», сама ее тематизация Кантом «связана с эмансипаторными тенденциями Просвещения» (Magun 2013: 159).

Ипохондрия — это не только меланхолия, но ее рефлексия, что и наделяет ее неким революционным потенциалом. Это важная деталь, которую Магун обнаруживает, скажем так, по ту сторону принципа скорби и меланхолии. Автор предлагает прочтение, которое помещает Канта, даже в большей степени, чем Гегеля, на сторону революционной негативности, парадоксальным образом, именно благодаря ипохондрии, поскольку она не преодолевает меланхолию, не снимает ее или оставляет ее позади, но рефлексивует ее, подобно революции, которая рефлексивует прошлое и посредством самой этой рефлексии производит остановку в настоящем, необходимую для радикального трансформативного события. В этом рефлексивном движении и рождается революционный субъект.

Перев. с англ. Георгия Копылова

Библиография

- Магун, Артемий (2008). *Отрицательная революция: к деконструкции политического субъекта*. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.
- Маркс, Карл, Энгельс, Фридрих (2009). *Принципы коммунизма. Манифест Коммунистической партии*. М.: Издательство ИТРК.
- Фрейд, Зигмунд (1995). «Скорбь и меланхолия». В кн.: *Художник и фантазирование (сборник работ)*. М.: Республика.
- Гердер, Иоганн Готфрид (1959). *Избранные сочинения*. М.; Л.: Государственное издательство художественной литературы.